
Цветкова Ксения
Цена ее ошибки - жизнь.
18+
современный любовный роман

**Ксения Цветкова**

# Цена ее ошибки-жизнь

*https://litres.ru/74812148*
*SelfPub; 2026*

## Аннотация

Её жизнь была скучной, серой и шла по накатанной. Дом, семья, работа - этот маршрут был на протяжении долгих лет. Но однажды встретив Его все изменилось. Она бросилась в омут с головой не думая о последствиях и за это поплатилась жизнями дорогих ей людей. Сможет ли Виктория вернуться к жизни потеряв в один момент всё и обретет ли счастье снова?

# Содержание

Глава 1 4
Глава 2 21
Конец ознакомительного фрагмента. 29

# Ксения Цветкова
# Цена ее ошибки-жизнь

## Глава 1

В пятницу я выбралась из города в половине седьмого. Пробок почти не было, и все сорок минут за рулём я уговаривала себя начать вечер как человек: не считать кроссовки в прихожей, не заглядывать в раковину, не проверять дневник.

Уговаривала вяло. Голова гудела от отчёта, который я третий день не могла закрыть, на заднем сиденье лежали продукты, а на повороте к посёлку я вспомнила еще и про платёж за секции детей.

У калитки стояли три машины. Две я не знала. Из бани валил дым, дверь в предбанник была распахнута, и оттуда доносился хохот, поверх которого играло радио, всегда на одной и той же волне.

Я выключила двигатель и посидела немного в тишине, положив руки на руль. Потом вылезла, забрала пакеты и пошла по гравию, стараясь не думать, что в доме меня ждёт.

В прихожей пахло мокрой собакой, хотя собаки у нас не было. Поперёк прохода лежали чьи-то ботинки сорок пятого размера, на вешалке висела чужая куртка. Я переступила

ботинки, донесла пакеты до кухни и включила свет.

Раковина была полная. Тарелки стояли стопкой, в сковородке застыла яичница, на столе лежали хлебные корки и открытая банка с огурцами, а рядом с ней, прямо на клеёнке, сохли чьи-то носки.

Я поставила пакеты, сняла пальто и не переодеваясь, надела фартук.

В комнате работал телевизор. Степан сидел на ковре в одних трусах, на полу вокруг него рассыпались чипсы, и он брал их горстями, не отрываясь от мультика. Щёки у него блестели от масла.

— Степан, — сказала я.

Он обернулся и просиял:

— Мама!

— Ты почему не одет?

— Жарко.

Я тронула его за плечо и почувствовала, что тело мальчика всё в крошках и масле. Он вцепился мне в ногу, прижался липкой щекой к юбке, и я погладила его по голове, чуть отстранив.

— Где папа?

— В бане.

— А ужин?

— Папа сказал, ты привезёшь.

Я выдохнула через нос и пошла искать остальных.

Арина сидела у себя на кровати с коленями под подбо-

родком, перед ней лежал учебник математики, открытый на семьдесят второй странице, и телефон, по которому она смотрела, как девочки в блестящих купальниках репетируют танец.

— Уроки? — спросила я, садясь на край.

— Я почти. Только эту задачу не понимаю.

— Что не понимаешь?

— Как найти скорость, если время в минутах.

Я посмотрела на неё. Арина добрая, мягкая, у неё мои глаза и светлые волосы как у отца, и она всегда говорит правду, даже когда это невыгодно.

— Ладно, — сказала я. — Сначала поешь. И Степана покормишь, хорошо?

— А ты?

— Я сейчас.

Роман был в своей комнате. Дверь прикрыта, в наушниках что-то грохотало, он лежал на кровати с телефоном и даже не повернул головы, когда я вошла.

— Роман.

Он снял одно ухо и посмотрел на меня.

— Привет, — сказал он.

— Ты знаешь, что на кухне бардак?

— Ага.

— И что ужина нет?

— Папа сказал, ты привезёшь.

— Папа сказал, — повторила я. — А папа сказал, что у

тебя двойка по алгебре?

Он сел, и лицо у него сразу стало моё, злое и замкнутое. Мой характер, моя манера смотреть исподлобья, будто весь мир ему что-то должен.

— Это было две недели назад.

— Почему я узнаю от учительницы, а не от тебя?

— Потому что ты всё равно орёшь.

Я смотрела на него и понимала, что он прав. И от этого злилась ещё сильнее.

— Завтра исправишь, — сказала я. — И до тех пор никакого телефона.

— Ладно.

— И скажи отцу, что я его жду. На кухне.

Я вернулась к раковине. Открыла кран, взяла губку, и вода была такая горячая, что из-под крана шёл пар. Тарелки я мыла быстро, стараясь не глядеть в окно, но краем глаза всё равно видела: в бане горел свет, в открытую дверь выходил белый пар, на крыльце стояли бутылки.

За спиной хлопнула дверь, и в кухню вошёл Иван. Светлый, загорелый, в одних шортах, с полотенцем через плечо. Волосы ещё мокрые после пара, на груди капли.

— О, приехала, — сказал он и улыбнулся. — Мы уже почти.

Я закрыла кран.

— Иван, там дети голодные.

— Так ты же привезла.

— Я привезла продукты. Полчаса назад.

Он посмотрел на пакеты, потом на меня, и в глазах у него было ровно то выражение, которое я последние два года ненавидела больше всего: спокойное, весёлое, слегка удивлённое. Как у человека, которому сообщают новость из другой страны.

— Ну, сейчас что-нибудь сделаем, — сказал он. — Ребята сейчас уедут, и поужинаем.

— Ребята когда уедут?

— Да скоро.

— Иван. Половина девятого. Степан не ел, Арина сидит над задачей, у Романа двойка.

— Двойка? — Он нахмурился. — Когда успел?

— Две недели назад.

— А, — сказал он и успокоился. — Ну, исправит.

Я взяла полотенце и вытерла руки. Медленно, по одному пальцу, чтобы не сказать того, что вертелось на языке.

— Скажи мне, — начала я, — ты вообще помнишь, что у нас в понедельник платёж за секции?

— Помню.

— Сколько?

Он задумался. Почесал мокрый затылок.

— Тысяч шесть?

— Шесть тысяч сто. И ещё за садик до пятнадцатого.

— Вика, ну чего ты сейчас начинаешь. У меня зарплата десятого.

— У меня тоже десятого. И кредит двенадцатого.

— Я помню про кредит.

— Ты помнишь, а оплачиваю я. Ты в прошлом месяце опять взял из общей карты, я видела.

Иван вздохнул и сел на табурет, положив локти на стол. От него пахло баней, берёзовым веником и пивом.

— Я взял три тысячи. На бензин.

— На бензин ты берёшь каждую неделю.

— Я же не гуляю. Я на работу езжу.

— А друзья твои тоже на работу ездят? Которые там сидят с шести?

Он поднял голову, и весёлое выражение наконец с него сошло. Осталось другое, знакомое: обиженное, упрямое, как у мальчика, которого несправедливо наказали.

— Они приехали в гости, — сказал он тихо. — Нормальные мужики. Не надо так.

— Как?

— Так. Как ты сейчас.

Я молчала. За окном хлопнула дверь предбанника, кто-то засмеялся и крикнул: «Вань, ты где?»

Иван обернулся на голос и снова посмотрел на меня.

— Пойдём с нами, а? — сказал он вдруг, и это было хуже всего. — Посидишь, отдохнёшь. Ребята тебя знают. Там как раз Лёха приехал, познакомитесь, а то заочно общались, а вживую ни разу.

— Я не умею отдыхать с людьми, у которых грязные ноги

на моём диване.

— Ну вот, — сказал он. — Вот ты всегда так.

Он встал и пошёл к двери. В дверях остановился, взялся за косяк.

— Я скоро.

— Иван.

— Что?

— Посуду за собой вы сами мыли?

Он посмотрел на раковину, будто видел её впервые, и ушёл.

Я осталась стоять посреди кухни. Вода в кране ещё капала, холодильник гудел, из комнаты доносились голоса мультяшных героев. Я выключила свет в кухне, включила его снова и принялась разбирать пакеты: творог в холодильник, курицу в холодильник, хлеб в хлебницу, огурцы в банку.

За стеной снова засмеялись.

Я достала из сумки ноутбук, села за стол и открыла отчёт. Цифры расплывались. Я смотрела в экран и думала о том, что если бы сейчас взяла ключи и уехала обратно в город, никто бы даже не заметил.

В половине десятого я отнесла Степану тарелку с курицей и картошкой. Он съел половину, потом полез ко мне на колени и заснул почти сразу, так и не дождавшись сказки. Я отнесла его в кровать, подоткнула одеяло и постояла над ним. Во сне он чмокал губами и держал мою руку, пока я не вытащила пальцы.

Арина уже лежала. Математика была сделана, тетрадь закрыта, телефон убран под подушку.

— Мам, — сказала она, когда я поправила ей одеяло.

— Что?

— Ты грустная.

— Я устала.

— Из-за папы?

Я посмотрела на неё. Она смотрела снизу вверх, и в её глазах не было ни хитрости, ни расчёта, только готовность расстроиться вместе со мной.

— Из-за работы, — сказала я. — Спи.

Из бани они вышли около полуночи. Я слышала через окно, как прощаются, как хлопают двери машин, как Иван говорит кому-то: «Давай, Саня, на следующей неделе созвонимся». Моторы заурчали и стихли за поворотом.

Я сидела на кухне с остывшим чаем и закрытым ноутбуком. Свет я оставила только над столом, чтобы из окна было видно, что в доме не спят.

Иван вошёл и остановился в дверях. От него пахло паром, пивом и дымом, глаза были масляные, весёлые.

— Все уехали, — сообщил он.

— Слышала.

Он подошёл сзади, положил руки мне на плечи, наклонился и поцеловал в шею. Щетина царапнула кожу, и я почувствовала, как напряглись плечи сама собой, раньше, чем успела что-то решить.

— Ты чего сидишь в темноте? — спросил он. — Пойдём.

— Иван, я устала.

— Я тоже устал. — Он сказал это весело, будто мы говорили о чём-то приятном. — Я вообще-то неделю пахал.

— Я тоже пахала. И ещё готовила, мыла посуду и укладывала троих.

Он убрал руки. Отошёл к холодильнику, достал бутылку воды, открыл и выпил половину стоя.

— Ты в последнее время вообще не хочешь со мной никуда, — сказал он в холодильник. — Ни в баню, ни в город. Как чужая.

— Может, потому что я и есть чужая?

Слова вышли сами. Я не собиралась их говорить, но они уже висели в воздухе, и я не стала их забирать.

Иван закрыл холодильник и обернулся. Лицо у него было растерянное, и я вдруг поняла, что он правда не понимает. Ни про кредит, ни про двойку Романа. Ни про то, что я уже полгода сплю у стенки и утром уезжаю раньше, чем он просыпается.

— Ну, ты даёшь, — сказал он наконец. — Совсем уже.

Он ушёл наверх. Через пять минут оттуда донеслось, как скрипнула кровать, потом всё стихло.

Я посидела ещё немного, вымыла чашку, выключила свет и поднялась. В спальне было темно, Иван лежал лицом к стене, уже спал или притворялся. Я легла с краю, не касаясь его, и уставилась в потолок, по нему ползла полоса света от улич-

ного фонаря.

Телефон лежал под подушкой. Я достала его и открыла банковское приложение. Восемь тысяч двести на общей карте, и это до десятого числа, а в понедельник надо отдать шесть тысяч сто за секции.

Я выключила экран и положила телефон обратно.

В соседней комнате заплакал Степан.

Я встала, нащупала ногами тапки и пошла к нему. Он сидел на кровати, растрёпанный, с мокрым от слёз лицом.

— Мама, там дядя, — сказал он сквозь всхлипы.

— Какой дядя?

— В шкафу.

Я включила ночник, открыла шкаф, показала ему пустые полки, потрогала под кроватью.

— Никого нет. Видишь?

Он кивнул и потянулся ко мне. Я взяла его на руки, и он сразу обмяк, уткнулся носом в шею, засопел. Я поносила его по комнате, потом села в кресло с ним на коленях и так и осталась сидеть, пока за окном не начало светлеть.

В спальню я не пошла. Степа сопел, тёплый, тяжёлый, и во сне снова держал мою руку, а я смотрела через стекло на двор: пустые бутылки на крыльце бани, забытое полотенце на перилах, гравий, размытый утренним туманом.

Утром Иван встал раньше меня и собирался шумно, как всегда, хлопая дверцами шкафа. Уже из прихожей он сказал, что Лёхе нужна моя помощь: развод, алименты, а он в бума-

гах не разбирается. Сказал, что тот позвонит, и закрыл за собой дверь.

Лёха позвонил в обед, когда я вышла из дома и стояла на крыльце, где ловит связь.

— Виктория? Это Лёха. Алексей. Иван сказал, вы можете посмотреть мои документы.

— Могу.

Голос у него был низкий, спокойный, с лёгкой хрипотцой. Он говорил про жену, про сына, про квартиру, а я слушала, как он выговаривает моё имя целиком, без «Вики», и пропускала слова. Потом он замолчал.

— Так по телефону не объяснишь. Может, встретимся? Я подъеду, куда скажете.

— Давайте, — сказала я раньше, чем успела подумать.

До вечера я занималась домашними делами. С Ариной испекли печенье, Степан катал по полу машинку, Рома сидел с телефоном и не огрызался.

С Алексеем мы встретились в кофейне недалеко от нашего дома, в шесть. Я пришла первой, села у окна и полчаса перечитывала распечатки, пока официантка не спросила, буду ли я что-нибудь заказывать.

Он вошёл и сразу нашёл меня взглядом. Выше Ивана, в тёмной куртке, с папкой под мышкой. Поздоровался, сел напротив и протянул руку через стол, будто мы знакомились заново.

— Спасибо, что согласились.

Ладонь у него была сухая и тёплая, и он не отпускал мою руку дольше, чем нужно. Я заметила светлую полоску от часов на его запястье и шрам на костяшке.

— Показывайте, — сказала я, чтобы что-то сказать.

Он раскрыл папку, и мы наклонились над столом. От него пахло морозом и терпким одеколоном, а я всё ловила себя на том, что смотрю на его руки, а не на листы.

— Значит, так, — сказала я, разложив бумаги по датам. — Квартира куплена в браке?

— В браке. Но платил я.

— Это неважно. Важно, что она общая.

Я задавала вопросы, он отвечал, и постепенно вырисовывалось: встретил другую, полгода пытался сохранить семью, потом ушёл. Жена не даёт видеться с сыном и хочет отсудить квартиру.

— Новая девушка беременна? — уточнила я, не поднимая глаз от выписки.

— Да. У неё своя квартира, хорошая должность. Она согласна помочь выкупить долю.

Он посмотрел на меня. Голубые глаза, светлее, чем я ожидала, с тёмным ободком у зрачка, они притягивали и я забыла, что хотела сказать. Его темные волосы и борода совсем не вязались с этими бездонными глазами.

— Я вам помогу, — сказала я. — Присылайте всё, что есть.

Он записал мой номер и не сразу выпустил мою руку.

Домой я вернулась в девятом часу. В окнах горел свет, у крыльца стояли ботинки, только теперь одни.

Иван сидел перед телевизором, пульт на животе, рядом на столе банка с огурцами и тарелка с крошками. В раковине высилась новая посуда.

— Где была?

— С Лёхой встречалась. Он просил помочь с разводом.

Иван сел ровнее.

— И что, поможешь?

— Помогу.

— Бесплатно?

— Бесплатно.

Он усмехнулся, поставил банку обратно на стол.

— Всем ты бесплатно помогаешь. А у нас за секции в понедельник платить, ты помнишь? Мне на бензин не хватает, а она по кофейням сидит.

Я смотрела на его затылок и понимала, что за весь вечер ни разу не вспомнила про кредит.

Дальше мы не поссорились. Он ушёл спать, а я ещё час отмывала плиту, чтобы не думать.

В воскресенье Иван сам отвёз детей к бабушке и вернулся с пакетами: молча выложил на стол мясо на шашлык, нарезку, овощи и хлеб. День мы провели вдвоём. Он был внимательным, открыл вино, говорил, что всё наладится, и я кивала, а сама вздрагивала от каждого звука телефона.

В понедельник отчёт закрылся к обеду. Потом позвонил

представитель одной из сторон по судебному делу и согласился на мировую, хотя месяц отказывался разговаривать. К вечеру начальник вызвал меня к себе и сказал, что по итогам квартала мне выписали премию. Я вышла из кабинета руководителя, постояла у окна в коридоре и поймала себя на том, что не знаю, кому об этом рассказать. Как всегда девочка с синдромом отличника сделала все идеально, а похвалы ждать не от кого.

Меня так учили с детства. Мать растила меня одна, и на каждый случай у неё было правило: пятёрки в школе, пятёрки в институте, никаких плохих компаний, никаких сомнительных знакомств, никаких поздних возвращений. От человека должно быть приятно, повторяла она, и только Бог знает, что она имела в виду, произнося эту фразу, но я приносила грамоты, мыла полы и ходила помогать соседке с близнецами, потому что отказывать не принято, потому что нужно быть удобной.

Если попросили, я бегу на помощь. Если не побегу, мать будет молчать. Её молчание было громче любого крика.

Сразу после школы я уехала и с тех пор ни разу не ночевала в её квартире. Звоню по воскресеньям, рассказываю про детей и погоду, она отвечает вежливо, и обе ждём, когда можно попрощаться. Иногда я думаю, что выучилась быть удобной настолько старательно, что ничего другого во мне уже не помещается.

Конечно я уже давно не та девочка, и умею говорить нет,

но привычка делать безупречно, доводить до идеала осталась и на моей работе это умеют ценить.

Больше предаваться воспоминаниям и унынию не хотелось, дело сделано, деньги получены, я развернулась на каблуках и пошла к себе в кабинет. У меня оставалось время для подготовки документов для Алексея.

Лёха приехал вечером за бумагами и неуверенно стоял в дверях кабинета с папкой под мышкой.

— Ты не против, если на «ты»? — спросил он.

— Давно пора.

Он листал отзыв на исковое заявление о разделе имущества, опершись на стол, и наклонялся ко мне через плечо ближе, чем требовали бумаги. От куртки опять пахло морозом. Я не отодвинулась.

Заявление я дописала к полуночи, потом поймала себя на том, что перечитываю его имя и улыбаюсь. Домой вернулась за полночь, когда уже все спали. Пройдя к себе в комнату, я легла на кровать и долго не могла уснуть, вспоминая снова и снова его глаза и улыбку.

Утром Иван ждал меня на кухне с двумя чашками, чего давно не случалось.

— Ты вчера поздно, — сказал он.

— Бумаги Алексея. Я говорила.

— Он тебе платит?

— Нет.

Иван помолчал, глядя в стол.

— Слушай. Раз тебе премию дали, одолжи пару тысяч? До зарплаты. Мне на бензин не хватает.

— Нет, — сказала я. Слово вышло коротким и твёрдым, и мы оба его услышали.

— Почему?

— Потому что в прошлый раз ты тоже занимал. И не вернул.

Он усмехнулся, встал и задел плечом дверной косяк.

— Ну да. Я же тут никто.

Я налила себе кофе и стояла с чашкой у окна, пока его машина не выехала за калитку.

К обеду я собрала папку с документами: отзыв, копии чеков, выписка по ипотеке, справка из опеки. Всё по порядку, с закладками.

Позвонила Алексею.

— Заседание в половине третьего. Не опаздывай.

— Я уже на месте.

— За полтора часа?

— Я с утра тут.

В трубке гудел ветер. Я слышала, как он дышит.

— Не кури перед заседанием, — сказала я. — От тебя будет пахнуть.

Он хмыкнул.

— Виктория, а если она скажет, что я плохой отец?

— Скажет. Ты слушай и записывай.

Начальник отпустил меня без вопросов. Перед встречей я

совсем не волновалась. Это было хуже всего.

Заседание кончилось в четверть пятого. Алексей вышел из зала с графиком встреч с сыном и мировым соглашением: квартира осталась Ольге, ему выплачивали долю деньгами, алименты он платил без споров. На улице он долго смотрел на бумаги, потом перевёл глаза на меня.

— Победа, — сказал он. — Поехали праздновать.

В ресторане мы просидели четыре часа. Говорили про хоккей, про старые детективы, про группу, которую оба слушали в институте. Он подсаживался всё ближе, накрыл мою руку своей и не убрал. Я тоже не убрала.

— Я позвоню завтра, — сказал он у машины. — Не по делу.

Домой я вернулась после полуночи, счастливая, и долго стояла в прихожей, не включая свет, с телефоном в руке.

# Глава 2

В среду я проспала. Телефон показывал половину восьмого, за окном было ещё темно, и Степан уже сидел на полу в спальне, возил машинку по ковру и гудел.

Иван стоял у плиты и варил кофе. Такого не случалось месяца три.

— Ты во сколько пришла? — спросил он, не оборачиваясь.

— После двенадцати.

— Я не слышал.

— Ты спал.

Он налил мне в чашку и поставил на стол. От плиты шёл пар, на сковородке шкварчало.

— Отмечали, значит.

— Отмечали.

Иван посмотрел на меня чуть дольше, чем нужно, и отвернулся к плите. Я намазала Степану бутерброд, собрала Арине сменку, нашла Роману вторую перчатку. Обычное утро, только внутри у меня всё ещё играла музыка из ресторана, и я ловила себя на том, что улыбаюсь в шкаф.

В офисе я разобрала почту, ответила на два письма и переписала абзац в чужом договоре, который мне не давал покоя с прошлой недели. В полдень позвонил Алексей.

— Это я, — сказал он. — Не по делу.

— А по чему?

— Ты во сколько освобождаешься?

Я посмотрела на часы, потом на дверь кабинета, потом в окно, где шёл снег.

— В шесть.

— В семь в «Родине» крутят старый детектив. Один раз в год, у них там клуб. Пойдём?

— Я не могу вот так, — сказала я.

— Можешь, — сказал он и повесил трубку.

Вечером я позвонила Ивану и сказала, что задержусь, у нас проверка документов. Он ответил «хорошо» слишком быстро, и я не стала думать, что это значит.

Алексей ждал у кинотеатра, в пальто и при галстуке. Галстук был завязан криво, узел съехал набок, и воротник топорщился.

Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, и прятал руки в карманы, будто не знал, куда их деть. Пальто сидело на нём идеально, по плечу, борода уложена аккуратно, волосок к волоску, ботинки начищены до блеска. С иголочки, как сказала бы моя мать. Алексей из тех мужчин, кто любит одеваться и знает, сколько это стоит, я это заметила ещё в кофейне. Фонарь у входа светил жёлтым, и в этом свете я разглядела, что брился он всё-таки второпях: за ухом осталась розовая полоска.

Я шла к нему через двор и поймала себя на том, что ускоряю шаг. Снег ложился ему на плечи, он не стряхивал.

— Ты чего при параде? — спросила я.

Он посмотрел на меня сверху вниз и ничего не ответил, и от этого взгляда у меня пересохло во рту.

— Галстук завязывал сам? — усмехнулась я, чтобы скрыть неловкость.

— Сосед помог.

Я взялась за узел, чтобы поправить, и вдруг поняла, что стою вплотную, у самого его подбородка. От него пахло морозом и тем же одеколоном. Он не двигался.

— Ну вот, — сказала я и убрала руки. — Теперь как человек.

В зале было человек двадцать, красные кресла, запах пыли и попкорна. Свет погас, и на экране поехали титры. Он положил руку на подлокотник, потом на мою руку, и я не убрала. Так мы и сидели два часа, и я не помню ни одного поворота сюжета, хотя потом, когда он спросил, я уверенно сказала, что всё предсказуемо.

После сеанса мы сидели в машине у кинотеатра, двигатель работал, снег таял на лобовом стекле.

— Ты почему этим занимаешься? — спросил он.

— Чем?

— Мной. Со мной. Бесплатно.

— Мне нравится, когда бумаги складываются в правильном порядке.

Он хмыкнул и включил дворники.

— А ты счастлива?

Я смотрела, как снег сползает по стеклу, и ничего не сказала. Из решётки шёл тёплый воздух, у меня горели уши.

— Не отвечай, — сказал он вдруг. — Я и так вижу.

Домой я вернулась в половине одиннадцатого. В прихожей горел свет, Иван сидел в комнате в темноте, перед выключенным телевизором.

— Проверка? — спросил он.

— Проверка.

Он кивнул и больше ничего не сказал. Я поднялась наверх, сняла сапоги и села на кровать, прислушиваясь к тому, как он ходит по кухне. Он не поверил. И я поняла, что мне это почти безразлично.

В спальне Иван уже лежал, отвернувшись к стене. Я легла с краю, поставила телефон на зарядку и погасила ночник. Через минуту экран загорелся.

«Доехала?» — 23:40.

Я накрылась одеялом с головой.

«Доехала».

«Спасибо за вечер. Я давно так не смеялся».

Я смотрела на эти две строчки дольше, чем нужно.

— Спи, — сказала я в темноту, когда Иван заворочался.

— Ты светишь.

Я ответила Алексею «спи» и стёрла переписку, хотя Иван никогда не проверял мой телефон.

Утром я первым делом взяла трубку с зарядки. Сообщений не было. Я пролистала почту, потом новости, потом

опять почту. Посмотрела бездумно в окно: всё, что происходило в моей жизни, было неправильным. И, возможно, ещё полгода назад я бы этого не допустила, но сейчас мне безумно нравилось чужое внимание, и не важно, что у нас обоих семьи; в этот момент я совсем не думала о том, что кому-то будет плохо.

— Мам, — Арина стояла в дверях с расчёской. — Заплети.

Я отвлеклась от своих мыслей, заплела косу дочери, налила Степану какао, отправила Романа искать шапку. Иван вышел из спальни в выглаженной рубашке, чего в четверг не бывало, и молча выпил кофе стоя.

— Ты чего? — спросила я.

— Ничего.

Он поставил чашку в раковину и ушёл, не хлопнув дверью.

В офисе я держала телефон рядом с клавиатурой, будто он мог что-то услышать. В полдень он завибрировал.

«Обедаешь?»

Я смотрела на экран и не сразу придумала, что ответить. Написала «да», стёрла, потом написала: «Что за вопрос».

Тут же пришло: «Я внизу».

Я выглянула в окно. У нашего крыльца стояла знакомая тёмная машина, из выхлопной трубы шёл пар.

— Я на обед, — сказала я секретарше и взяла пальто.

Алексей вышел, открыл мне дверь, и в машине пахло ко-

фе и кожей. На заднем сиденье лежал бумажный пакет.

— Что это?

— Обед. Ты, наверное, ничего не ела.

— Ты меня не знаешь.

— Угадаю.

Он включил печку, и я поняла, что не помню, когда в последний раз смеялась два дня подряд.

— У меня полчаса, — сказала я.

— У меня тоже.

Он свернул с трассы на лесную дорогу, проехал между сосен и заглушил мотор. Снег лежал на ветках, в машине было тихо, и я слышала, как у меня стучит в висках.

— Мы оба знаем, зачем мы здесь, — сказал он тихо.

— Мне через двадцать минут надо быть на работе.

— Значит, у нас двадцать минут.

Он повернулся ко мне. Двигатель ещё щёлкал, остывая, где-то в глубине леса хрустнула ветка.

Он взял меня за подбородок и поцеловал сразу глубоко, без разгона, как человек, который не собирается спрашивать разрешения. Я упёрлась ладонью ему в грудь, для порядка, и сама потянулась следом, когда он отстранился на сантиметр. В носу у меня был запах его одеколона, во рту металл от холодного воздуха.

Он открыл заднюю дверь, и мы перебрались назад, на холодную кожу. Пальто я скинула на пол, свитер сняла через голову, он стянул с меня майку и на минуту просто смотрел,

а потом накрыл ладонями грудь, и от мороза соски стянулись так, что стало больно. Он целовал их по очереди, я держалась за его плечи и слышала, как он дышит.

— Презерватив, — сказала я. — У тебя есть?

Он дотянулся до бардачка, порвал упаковку зубами, и пока возился, я смотрела на его руки: шрам на костяшке, тёмные волоски у запястья, часы с металлической полоской.

Он вошёл, и я выгнулась, потому что было тесно и неудобно, колено упиралось в спинку, а ремень безопасности больно давил под лопатку. Потом это перестало иметь значение. Он двигался глубоко и ровно, целовал меня в шею, стекло под моей ладонью запотело, а я сжимала его рубашку и кусала губу, чтобы не закричать на весь лес. В голове мелькнуло: Степан, Арина, Роман, школа, ужин, и всё это осталось далеко, за соснами.

Потом он прижался лбом к моему плечу.

— И что дальше? — спросила я.

— Не знаю. У меня девушка беременна.

— А у меня муж и трое детей.

— Я помню.

Я смотрела в потолок машины и молчала. Он сел за руль, вывел машину на трассу и только там заговорил.

— Я не собираюсь ничего рушить, — сказал он. — Ты понимаешь? У неё седьмой месяц.

— А у меня Роман в девятом классе.

— Я знаю.

— Тогда что мы делаем?

Он долго не отвечал, дворники скрипели, встречные машины кидали в стекло грязную воду.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.